

Шиллер Иоганн Фридрих

Мессинская невеста или Братья-враги

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
И75

И75 **Иоганн Фридрих Ш.**
Мессинская невеста или Братья-враги / Шиллер Иоганн Фридрих – М.: Книга по Требованию, 2024. – 44 с.

ISBN 978-5-521-31110-1

ISBN 978-5-521-31110-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

день на сценѣ — искусственъ, архитектура — символическая, метрическій языкъ — идеаленъ: должно ли дѣйствіе быть вещественнымъ и, какъ часть, разрушать цѣлое? Такъ французы, не понявъ духа древнихъ, первые ввели единство мѣста и времени, по самому нелѣпому, эмпирическому понятію, какъ будто есть тутъ другое мѣсто, кромѣ идеальнаго пространства, и другое время, кромѣ постоянной послѣдовательности дѣйствій.

Впрочемъ, введеніемъ метрическаго языка сдѣланъ большой шагъ въ приближеніи къ поэтической трагедіи. Нѣкоторые лирическіе опыты были удачны на сценѣ, и поэзія своею собственною, живою силою побѣдила уже въ нѣкоторыхъ частностяхъ господствующій предрассудокъ. Но частностями еще выигрывается не много, если заблужденіе не разрушено въ цѣломъ, и недостаточно, чтобы то, что составляетъ сущность всей поэзіи, было только терпимо, какъ поэтическая вольность. Введеніе хора было бы послѣднимъ, рѣшительнымъ шагомъ, и если бы онъ даже послужилъ поводомъ только къ тому, чтобы открыто и честно объявить войну всякому натурализму въ искусствѣ, то онъ сталъ бы для насъ живою оградой, которою трагедія совершенно отдѣлилась бы отъ дѣйствительнаго міра и сохранила бы свое идеальное основаніе, свою поэтическую свободу.

Трагедія грековъ, какъ извѣстно, произошла изъ хора. Но какъ исторически и постепенно она изъ него развивалась, точно такъ можно сказать, что она изъ него же произошла въ отношеніи поэтическомъ и по духу, и что безъ этихъ постоянныхъ свидѣтелей и производителей дѣйствій, изъ нея образовалось бы совершенно другое поэтическое произведеніе. Поэтому уничтоженіе хора и олицетвореніе этого чувственно-могущественнаго органа въ безхарактерной и скучной фигурѣ жалкаго наперника нисколько не было усовершенствованіемъ трагедіи, какъ воображали французы и ихъ поклонники.

Древняя трагедія, которая первоначально выводила только боговъ, героевъ и царей, нуждалась въ хорѣ, какъ въ необходимой принадлежности; она находила его въ природѣ и пользовалась имъ, потому что находила. Дѣйствіи и судьбы героевъ и царей сами по себѣ общественны, и еще болѣе были таковыми въ простые времена древности. Поэтому, хоръ въ древней трагедіи былъ самымъ естественнымъ органомъ, онъ уже происходилъ изъ поэтическаго образа дѣйствительной жизни. Въ новой

же трагедіи онъ дѣлается органомъ искусственнымъ, *вызывающимъ* поэзію. Поэтъ новаго времени не находитъ его въ природѣ; онъ долженъ поэтически создать его и ввести, то-есть долженъ въ баснѣ, которую онъ обрабатываетъ, произвести такую перемѣну, которая перенесла бы ее въ тотъ младенческій вѣкъ и въ ту простую форму первобытной жизни.

Поэтому хоръ для новѣйшаго трагика существенно еще полезенъ, чѣмъ для древняго поэта, и собственно потому, что онъ новый обыкновенный міръ переноситъ въ древній, поэтический, что позволяетъ ему отбросить все противное поэзіи, и влечетъ его къ самымъ первоначальнымъ, простымъ и наивнымъ мотивамъ. Дворцы царей теперь закрыты; отправленіе правосудія перенесено отъ городскихъ воротъ во внутренность домовъ; письмо вытѣснило живую рѣчь; самый народъ, эта чувственно-живая масса, гдѣ онъ не дѣйствуетъ, какъ грубая сила, обратился въ государство, слѣдовательно, сталъ идеею отвлеченною; боги возвратились въ грудь человѣка. Поэтъ долженъ снова отворить дворцы, долженъ перенести судилище подъ открытое небо, долженъ снова представить боговъ, долженъ возстановить все непосредственное, уничтоженное искусственностью дѣйствительной жизни, отбросить всякую затѣйливость въ человѣкѣ и во всемъ, къ нему относящемся, которая препятствуетъ выраженію его внутренней природы и первоначальнаго характера, подобно тому, какъ ваятель отвергаетъ модную одежду, и не допускаетъ ничего изъ внѣшнихъ ея условій, что сколько-нибудь можетъ скрыть высочайшую изъ формъ — форму человѣческую.

Но точно такъ же, какъ пластическій художникъ распространяетъ вокругъ своихъ фигуръ всю полноту складокъ одежды, чтобы придать имъ болѣе прелести и роскоши, чтобы раздѣленные имъ части прочно соединить въ спокойныя массы, чтобы дать мѣсто игрѣ цвѣтовъ, плѣняющихъ зрѣніе, и человѣческія формы искусно скрыть и, вмѣстѣ, сдѣлать видимыми: такъ точно и трагическій поэтъ связываетъ и облекаетъ свое строго-размѣренное дѣйствіе и рѣзкіе очерки своихъ дѣйствующихъ лицъ пышностью лирической ткани, въ которой эти лица, какъ въ широкой пурпурной одеждѣ, движутся свободно и благородно, съ твердымъ достоинствомъ и высокимъ спокойствіемъ.

Въ высшей организаціи элементарное начало не должно быть видимо; цвѣта химическіе исчезаютъ въ нѣжномъ румянцѣ жизни. Но и ве-

щество имѣть свою прелесть, и само по себѣ можетъ быть воспроизведено въ искусствѣ. Однако и тогда по выраженію жизни, полноты и гармоніи должно оно заслуживать свое мѣсто и возвышать достоинство формъ, въ которыя оно облекается, а не подавлять ихъ своею тяжестью.

Въ произведеніяхъ пластическаго искусства это легко понятно каждому; но это имѣетъ мѣсто и въ поэзіи, а слѣдовательно и въ поэзіи драматической, о которой здѣсь теперь говорится. Все тѣ, въ чемъ высказывается вообще разумъ, точно такъ же, какъ и тѣ, что прельщаютъ одни чувства, есть только матерія, грубый элементъ въ поэтическомъ созданіи, и неизбежно нарушить все поэтическое тамъ, гдѣ онъ будетъ преобладать, ибо поэзія заключается именно въ этомъ безразличіи идеальнаго и чувственнаго. Но человѣкъ созданъ такъ, что онъ всегда стремится отъ частнаго къ общему, и потому размышленіе должно также имѣть свое мѣсто въ трагедіи. Если же оно можетъ занимать это мѣсто, то оно должно весь недостатокъ чувственной жизни вознаграждать изложеніемъ, ибо если два элемента поэзіи, идеальный и чувственный, не дѣйствуютъ совокупно въ тѣсномъ соединеніи, то они должны дѣйствовать одинъ подлѣ другого, иначе не будетъ поэзіи. Если вѣсы сами по себѣ не имѣютъ совершеннаго равновѣсія, то оно должно быть восстановлено вывѣшиваніемъ обѣихъ чашъ.

И всему этому содѣйствуетъ хоръ въ трагедіи. Онъ самъ по себѣ не есть недѣлимое, а только общее понятіе; но это понятіе выражается въ чувственно-могущественной массѣ, которая поражаетъ чувства своимъ наполняющимъ присутствіемъ. Хоръ оставляетъ тѣсный кругъ дѣйствія, чтобы обнимать все прошедшее и будущее, отдаленныя времена и народы и, вообще, все человѣчество, чтобы извлекать великіе результаты жизни и высказывать правила мудрости. Но онъ производитъ это съ полною силою фантазіи, со смѣлою лирическою свободою, которая, какъ бы стопами боговъ, ходитъ по вершинамъ человѣческихъ дѣйствій; онъ производитъ это, сопровождаемый всѣмъ чувственнымъ могуществомъ размѣра и музыки въ тонахъ и движеніяхъ.

И такъ, хоръ очищаетъ трагическое произведеніе, отвлекаетъ размышленіе отъ дѣйствій, и чрезъ это самое отвлеченіе вооружается поэтическою силою: такъ пластическій художникъ простую необходимость одежды обращаетъ въ изящество и прелесть, посредствомъ богатой драпировки.

Но точно такъ, какъ живописецъ бываетъ вынужденнымъ возвышать тонъ жизненныхъ красокъ, чтобы поддержать равновѣсіе элементовъ, такъ лирической языкъ хора заставляетъ поэта соразмѣрно возвысить и весь языкъ стихотворенія, и чрезъ то, вообще, усилить чувственную силу выраженія. Только хоръ даетъ право трагическому поэту къ этому возвышенію тона, которое наполняетъ слухъ, подстрекаетъ духъ и расширяетъ всѣ чувства. Только его исполнителскій образъ заставляетъ поэта поставить на сцену всѣ дѣйствующія лица трагедіи, и придать этимъ своей картинѣ трагическое величіе. Отнимите хоръ—и языкъ трагедіи долженъ будетъ упасть и все, что теперь высоко и сильно, покажется принужденнымъ и напыщеннымъ. Введеніе древняго хора въ французскую трагедію обнаружилъ бы всю ея бѣдность и ничтожество; но онъ же, безъ всякаго сомнѣнія, показалъ бы вполнѣ истинное значеніе трагедіи Шекспира.

Точно такъ же, какъ хоръ вливаетъ жизнь въ языкъ трагедіи, такъ придаетъ онъ дѣйствію спокойствіе, но изысканное и возвышенное, долженствующее составлять главный характеръ благороднаго художественнаго произведенія, ибо душа зрителя и въ самыхъ сильныхъ движеніяхъ страстей должна сохранить свою свободу: она не должна быть добычею впечатлѣній, но всегда чистою и ясною освобождаться отъ страданій, которыя испытываетъ. Тѣ, что обыкновенно стараются порицать въ хорѣ, именно, что онъ разрушаетъ очарованіе и ослабляетъ силу страстей, есть, напротивъ, лучшая его похвала, ибо истинный художникъ всегда избѣгаетъ этой слѣпой силы страстей и никогда не ищетъ возбудить такое очарованіе. Если бы удары, которыми трагедія поражаетъ наше сердце, слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ, то страданія побѣдили бы силу дѣйствія; мы слились бы съ предметомъ и не могли бы надъ нимъ парить. Но хоръ, раздѣляя части и вступая въ игру страстей своимъ успокоительнымъ созерцаніемъ, возвращаетъ намъ свободу, которая могла бы потеряться въ общей бурѣ страстей. Самые лица въ трагедіи имѣютъ нужду въ этомъ отдыхѣ, въ этомъ покоѣ, чтобы собраться съ духомъ, ибо они не существа дѣйствительныя, которыя повинуются только могуществу мгновенія, но образы недѣлимыхъ, но лица идеальныя, представители идей, высказывающіе глубину человѣческаго бытія. Присутствіе хора, который внимаетъ имъ, какъ судящій свидѣтель, и своимъ посредничествомъ умѣряетъ первые порывы ихъ страстей, воз-

буждаетъ чувство осмотрительности въ ихъ дѣйствіи и достоинство въ рѣчахъ. Они стоятъ здѣсь, какъ бы на сценѣ самой природы, потому что говорятъ и дѣйствуютъ при свидѣтеляхъ, и поэтому будутъ говорить тѣмъ естественнѣе для зрителей на сценѣ искусственной.

Вотъ причины, побудившія меня ввести древній хоръ въ трагедію. Хоры уже извѣстны и въ новѣйшей трагедіи, но хоръ греческой трагедіи, въ такомъ видѣ, какъ я употребилъ его—какъ одно идеальное лицо, поддерживающее и сопровождающее все дѣйствіе—существенно отличается отъ тѣхъ хоровъ, и если мнѣ случается слышать сужденія о хорахъ, а не о хорѣ, когда говорятъ о греческой трагедіи, то во мнѣ возрождается сомнѣніе, дѣйствительно ли понимаютъ предметъ, о которомъ разсуждаютъ. Хоръ древней трагедіи, сколько мнѣ извѣстно, никогда не появился на сценѣ съ тѣхъ поръ, какъ былъ уничтоженъ.

Я раздѣлилъ хоръ на двѣ половины и поставилъ ихъ во враждѣ между собою; но это допускается только тогда, когда онъ участвуетъ

въ дѣйствіи, какъ дѣйствительное лицо, какъ слѣпая толпа. Но хоръ, какъ идеальное лицо, всегда составляетъ одно цѣлое. Я позволялъ перемѣну мѣста и иногда удалялъ хоръ; но и Эсхиль, творецъ трагедіи, и Софокль, величайшій художникъ этого искусства, позволяли себѣ эту свободу.

Другую вольность, которую я себѣ позволялъ, будетъ нѣсколько труднѣе оправдать. Я допустилъ въ трагедіи смѣшеніе религій христіанской съ греческой, даже съ примѣсю мавританскаго суевѣрія. Но мѣсто дѣйствія—Мессина, гдѣ эти три религіи частью жили, частью въ памятникахъ дѣйствовали на чувства. И притомъ я считаю за право поэзіи пользоваться различными вѣрованіями, какъ собирательнымъ цѣлымъ, чтобъ дѣйствовать на воображеніе, въ которомъ имѣетъ мѣсто все, что отлпчается особеннымъ характеромъ, и выражаетъ особенное чувство. Подъ оболочкою всѣхъ религій находится самая религія, идея божества, и да будетъ позволено поэту выразить это въ той формѣ, какую найдетъ онъ болѣе удобною и лучшею.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Донна Изавелла, Мессинская княгиня.
 Донъ-Мануиль } ея сыновья.
 Донъ-Цезарь }
 Беатриче.
 Діего.

Вѣстники.

Хоръ: Кастанъ, Беренгаръ, Манфредъ, Тристанъ и восемь рыцарей Донъ-Мануила; Бозмундъ, Рогеръ, Ипполитъ и девять рыцарей Донъ-Цезаря; Мессинскіе старѣйшины—безъ рѣчей.

Обширная палата на столбахъ; съ обѣихъ сторонъ входы; въ глубинѣ большая створчатая дверь въ церковь.

Донна Изавелла въ глубокомъ траурѣ, вокругъ нея Мессинскіе старѣйшины.

ИЗАВЕЛЛА.

Необходимости, не своему
 Послушная влеченью, къ вамъ, Мессины
 Старѣйшины сѣдые, выхожу
 Изъ безмолвья женскихъ горницъ, ликъ свой
 Явить предъ ваши мужескіе взоры:
 Вдовѣ, утратившей въ лицѣ супруга
 И свѣтъ, и славу жизни, подобаетъ
 Въ глухихъ стѣнахъ скрывать отъ свѣтскихъ
глазъ

Подобный ночи мрачный образъ; но
 Меня неумолимо и всесильно
 Дѣйствительности образъ поведитель
 Ко свѣту позабытому влечетъ.
 Еще двухъ разъ не обновился мѣсяцъ
 Отъ той поры, какъ проводила я
 Къ послѣднему пристанищу земному
 Супруга царственного моего.
 Онъ въ городѣ владычествуя этомъ,
 Васъ мощною рукой оберегалъ
 Отъ цѣлаго враждебнаго вамъ міра.
 Скончался онъ, но духъ его живетъ
 Еще въ четѣ двухъ витязей отважныхъ,
 Въ двухъ славныхъ сыновьяхъ, красѣ страны сей.
 Вы видѣли, какъ въ радости и силѣ
 Межъ васъ они росли, но съ ними ростъ
 Изъ сѣмени безвѣстно роковаго,
 Удвояясь съ зрѣлостью годовъ
 И юности единство разрывая,

Ужасный, неестественный раздоръ.
 Ни дружбой ихъ, ни ихъ единодушьемъ
 Мнѣ радоваться не было дано;
 Обоихъ я равно вскормила грудью,
 Обоимъ попеченье и любовь
 Равно я удѣляю; и ко мнѣ,
 Сыновнюю привязанность питаю,
 Они въ единомъ лишь влеченьи этомъ
 Единомысленны. Во всемъ иномъ
 Раздоръ кровавый ихъ разъединяетъ.
 Пока отецъ еще повелѣвалъ,
 Онъ строго, справедливостью ужасной,
 Обуздывалъ враждующихъ сыновъ
 И подъ одно желѣзное ярмо
 Сломилъ ихъ духъ упорный. При оружьи
 Не смѣли межъ собой они сходиться
 Ни подъ одною кровлей почевать.
 Хотя и успѣлъ онъ грознымъ приговоромъ
 Ихъ дикіе порывы обуздать,
 Но въ ихъ сердцахъ глубоко затаился
 Ненавѣстной ненависти духъ;—
 Могушему не съ ручейкомъ бороться,
 Когда потокъ онъ властенъ запрудить.
 Случилось, что должно было случиться:
 Лишь только смерть ему сомкнула очи
 И выпали бразды изъ мощныхъ рукъ,
 Старинная вражда возобновилась.
 Такъ жаръ глухой сокрытаго огня,
 Внезапно вспыхнувъ, рвется на свободу.
 Я вамъ высказываю то, что сами
 Вы засвидѣтельствовать все могли бы:
 Разладъ въ Мессинѣ!—братьевъ непріязнь
 Святыхъ связи естества порвала,
 Общественную распрю породивъ;
 Мечи сразились, градъ сталъ полемъ брани
 И даже сей чертогъ обрызгалъ кровью:
 Вамъ государства видѣтъ былъ разрывъ.

А у меня на части рвалось сердце;
Одну общественную лишь бѣду
Вы ощутили, мало вопрошая
О скорби матери. Ко мнѣ пришли вы
И мнѣ жестокое сказали слово:
„Ты видишь, сыновей твоихъ вражда
„Гражданской распрей возмущаетъ городъ,
„Что лишь единогласьемъ устоитъ
„Противу натиска враговъ-сосѣдей!
„Ты маты! смирн кровавый споръ дѣтей.
„Что намъ, миролюбивымъ, до вражды
„Князей? Изъ-за того ль намъ погибать,
„Что сыновья твои враждуютъ злобно?
„Безъ нихъ управиться мы сами можемъ
„И вѣрится другому государю,
„Который бы радѣлъ о нашемъ благѣ!“
Такъ мнѣ вы говорили безучастно,
Суровые мужи, лишь о себѣ
И городъ заботясь, возлагая
И бѣдствія общественнаго тягостъ
На сердце мнѣ, которое заботы
И страхъ уже довольно удручали.
Несбыточное дѣло предпринявъ,
Ставъ межъ враговъ, я материнскимъ сердцемъ
О мирѣ къ нимъ взывала; неуставно,
Неустрасимо умоляла ихъ—
И материнской вымолила просьбой
Согласье ихъ, адѣсь, въ городѣ Мессинѣ,
Въ отцовскомъ терему, миролюбиво
Сойтись лицомъ къ лицу, чего съ тѣхъ поръ
Какъ князь скончался, не бывало. День
Насталъ! Я посланнаго жду всечасно,
Который ихъ вступленье возвѣститъ мнѣ.
—Готовы будьте съ почестью принять
Князей, какъ подданнымъ пристойно. Долгъ свой
Исполнить позаботьтесь, предоставивъ
За остальное поручиться намъ.
Раздоръ межъ братьевъ былъ самымъ имъ гибель
И пагубенъ для всей страны, но вмѣстѣ,
Соединясь они довольно сильны
Отъ цѣлаго васъ міра защититъ
И судъ чинить надъ вами и расправу!
(Старѣйшины безмолвно удаляются, положивъ
руку на грудь. Она подаетъ знакъ старому
служкѣ, который остается).

Изабелла. Діего.

Изабелла.

Діего!

Діего.

Что княгиня, повелѣшь?

Изабелла.

О, вѣрный мой слуга! прімое сердце!
Приблизься! Горе ты дѣлилъ со мною,
Счастливицы дѣлѣ же нынѣ счастье.
Я вѣрную повѣрила тебѣ

Священную и горестную тайну;
Равоблачить ее настало время.
Природные порывы слишкомъ долго
Я сдерживала, ибо падо мною
Чужая властвовала воли. Нынѣ
Они свободно выразиться могутъ,
Душа сегодня обрѣтетъ покой;
И этотъ домъ, бывъ долго въ запустѣнн,
Все, что мнѣ дорого, соединить.
И такъ направься старческой стопою
Туда, къ извѣстному монастырю,
Гдѣ берегутъ сокровище мое.
Ты тамъ его на лучшую скрый пору,
Печальную мнѣ службу сослуживъ.
Счастливой нынѣ радостно верни
Залогъ безцѣнный!

(Въ отдаленіи трубятъ).

О слѣши, слѣши,

И радость пусть твой шагъ омолодитъ!
Ужъ трубъ воинственныхъ я слышу звуки,
Они сыновъ приходъ мнѣ развѣщаютъ.
(Діего уходитъ. Музыка слышна и съ проти-
воположной стороны, все ближе и ближе).

Изабелла.

Въ волненьи вся Мессина—голосовъ
Сюда несется смѣшанный потокъ—
Они! Они! Вблизи почуять ихъ
Забилось сердце матери сильнѣе.
Они! О дѣти милыя мои!

(Постынно уходитъ).

Хоръ входитъ. Онъ состоитъ изъ двухъ полу-
хоровъ, которые входятъ одновременно съ проти-
воположныхъ сторонъ, одинъ изъ глубины, другой
съ авансцены. Они обходятъ сцену вокругъ и
становятся въ рядъ, каждый на той сторонѣ, съ
которой вошелъ. Старшіе рыцари составляютъ
одинъ полухоръ, младшіе—другой; каждый но-
ситъ свои цвѣта и отличія. Когда хоры оста-
навливаются, другъ противъ друга, маршъ
прекращается и оба предводителя хоровъ го-
ворятъ ¹⁾).

Первый хоръ (Каэтанъ).

Тебѣ мой привѣтъ,
Царственный теремъ,
Тебѣ, колыбель

¹⁾ Посылая театру въ Вѣнѣ рукопись, Шиллеръ
приложилъ къ ней свои предположенія относительно
того, какъ распредѣлить рѣчи хора между его пред-
ставителями. Первый хоръ долженъ состоять изъ
Каэтана, Беренгара, Манфреда, Тристана и восьми
рыцарей Донъ-Мануила, а второй изъ Возмунда,
Рогера, Ишполита и девяти рыцарей Донъ-Цезаря.
Что по плану автора говорить каждому изъ нихъ,
означено въ текстѣ.

Нашихъ вождей,
Многоколонная, пышная сѣнь.
Въ поляхъ глубоко
Мечъ отдыхай,
Этою дверью
Изгнанъ чудовищный братскій раздоръ.
Гостепріимнаго
Дома порогъ
Клятва, Эринній дитя, охраняетъ,
Всѣхъ боговъ ада ужаснѣйшій богъ.

второй хоръ (возмупдъ).

Сердце вскипѣло въ груди моей злобно,
Сжалась въ кулакъ передъ боемъ рука:
Лику аловѣщей Медузы подобный
Вижу я ликъ ненавистный врага.
Крови смирюю едва клокотанье.
Рѣчью своей удостою ль его?
Иль повинуюсь отгаги призыванью?
Но Эмепида меня устрашаетъ
Грозной защитою дома сего,
Міра божественность мнѣ угрожаетъ.

первый хоръ (каетанъ).

Старости болѣ
Мудрость пристойна;
Я, разсудительный, первый мирюсь!
(Второму хору).

Тебѣ мой привѣтъ,
Ты, что со мною
Сродныя чувства
Братски дѣля,
Благоговѣйно
Вѣчныхъ боговъ,
Дома сего покровителей, чтить!
Мирно князья межъ собой сговорились,
Такъ же и намъ безобидно, спокойно
Надо міра слова обмѣнять:
Въ тѣхъ цѣлебныхъ словахъ благодать.
Но встрѣчу тебя я на волѣ, тогда
Кровавалъ возобновится вражда,
Будемъ сталью отвагу пытаться.

весь хоръ.

Но встрѣчу тебя я на волѣ, тогда
Кровавая возобновится вражда,
Будемъ сталью отвагу пытаться.

первый хоръ (беренгаръ).

Ты мнѣ не врагъ! Не тебя ненавижу!
Мы уроженцы единой отчины;
Племя князей чуждо нашихъ племенъ.
Если жъ враждуютъ вожди межъ собою,
Слуги должны быть готовыми къ бою,
Въ этомъ порядокъ, такъ хочетъ законъ.

второй хоръ (возмупдъ).

Пусть повелитель
Брани кровавой
Знаетъ причину! Мнѣ ль думать о мести?

Въ битвахъ князей наше дѣло—рубить:
Въ томъ пѣтъ ни мужества, въ томъ пѣтъ ни чести,
Кто повелителя дастъ оскорбить!

весь хоръ.

Въ битвахъ князей наше дѣло—рубить:
Въ томъ пѣтъ ни мужества, въ томъ пѣтъ ни чести,
Кто повелителя дастъ оскорбить!

одинъ изъ хора (беренгаръ).

Слушайте, други; сюда по дорогѣ
Шелъ я, не помня заботъ, ни тревоги.
Нива—что море кругомъ колыхалась;
Дума за думой въ умѣ поднималась.

Кровь въ насъ кипѣла, въ пылу боевомъ
Мы ни опомниться, ни сговориться
Не были властны покойнымъ умомъ.

Эти посѣвы, гдѣ хлѣбъ колосится,
Эти древа, обвитыя лозою,
Нашего солнца живутъ теплою.
Днею золотыхъ непрерывную нить
Мы наслаждался, могли бы прожить,
Горя не вѣдая, ни попеченья.

И для чего намъ въ безумномъ смятенъ
Мечъ чужеземцамъ во власть отдавать?
Въ правѣ ль они сей землей обладать?
Съ запада къ намъ на ладныхъ быстроходныхъ
Въ старые годы приплыли они,
Ласково дѣды гостей инородныхъ
Приняли здѣсь въ тѣ радушные дни.
Нынѣ же зримъ мы себя покоренными
Тѣми пришельцами иноземными!

другой (манфредъ).

Да, мы живемъ въ благодатной странѣ;
Радостно грѣетъ се неизмѣнно
Солнце, небесную твердь огняя.
Мы бѣ наслаждались и счастливы были,
Если бы землю свою оградилъ.
Волны, побережья ея омывая,
Насъ предають грабежу и разбою;
Намъ угрожаютъ корсары морей,—
Все, что такъ щедро дано намъ судьбою,
Манитъ набѣги враждебныхъ мечей.
Родимѣ, гдѣ мы ничтожнѣй рабовъ,
Не защититъ своихъ чадъ отъ враговъ.

Не тамъ, гдѣ Церера золотая рѣзнится
И Папъ миролюбивый, луговъ покровитель,
Но тамъ, гдѣ руда въ горныхъ нѣдрахъ
гнѣздится

Всесильный земли возстаетъ повелитель.

первый хоръ (каетанъ).

Благами жизнь не равно надѣлена
Весь человѣческій родъ временной;
Праведенъ судъ лишь природы одной,
Нивы велены родины милой,
Край изобильный дала намъ она;
Имъ же пришельцамъ, могучія силы,

Имъ непреклонная воля дана.
Въ яростномъ власти своей ополченны
Сердца они исполняютъ влеченья,
Громомъ мечей ихъ весь міръ прозвучалъ;
Но за земной высочайшей вершиной
Бездны глубокой зілетъ провалъ.

Счастливы мы, что по волѣ судьбины
Въ немощи намъ пребывать надлежитъ.
Яростно бури порывъ набѣжитъ,
Неба померкнутъ лазурные своды;
Съ градомъ, дождемъ, грозовой непогоды,
Съ молніей, громомъ неистово воды,
Гати, мосты и плотины срывая,
Ринутся, все за собой увлекая;
Не остановитъ ихъ власть никакая.
Въ неукротимомъ теченьи кипучемъ,
Краткій лишь мигъ тѣ потоки родитъ,
Слѣдъ ихъ въ песокъ исчезаетъ сыпучемъ,
Лишь разрушеніе о нихъ говоритъ.
Пришлые сгнупутъ владыки, какъ дымъ;
Насъ покорили, по мы устоимъ.

(Дверь въ глубинѣ растворяется: Донна Изабелла появляется между своими сыновьями — Донъ-Мануиломъ и Донъ-Цезаремъ).

ОБА ХОРА (КАЕТАНЪ).

Честь и хваленіе
Ей, что какъ солнце
Намъ возсіяла!
Въ прахѣ тебѣ поклоняемся мы.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (БЕРЕНГАРЪ).

Мѣсяцъ прекрасенъ
Въ кроткомъ сіяньи,
Между мерпаніемъ звѣздъ золотыхъ;
Матерь прекрасна
Въ нѣжномъ величьи,
Между могучихъ своихъ сыновей;
Въ цѣлой вселенной
Образа нѣту подобнаго ей!

Въ мірѣ всѣхъ выше

Вознесена,
Мать съ сыновьями собой завершила
Все, что прекраснаго жизнь сотворила.
Все міроздавье вѣнчаетъ опа:

Лучшей красы нѣтъ ни въ церкви бо-
жественной,
Ни надъ небеснымъ престоломъ святымъ:
Нѣтъ ни въ художествѣ болѣ прекраснаго,
Высшаго матери съ сыномъ своимъ!

ВТОРОЙ ХОРЪ (ВОЭМУНДЪ).

Видитъ радостно мать, какъ изъ ложа ея
Дерево, каждой весной обновляясь,
Въ пышномъ цвѣту возстаетъ къ небесамъ,
Ибо она породила потомство

Съ солнцемъ, которое, странствуя вѣчно,
Имя грядущимъ дастъ временамъ.
(ГОГЕРЪ).

Пронесутся народы,
Прозвучатъ времена,
Полночь забвенья
Мрачнымъ крыломъ осѣнитъ безучастно
Царствъ, и родовъ, и племенъ поколѣнья;
Но самодержцы
Ярко сіяютъ
Вѣпчанной главой,
Горъ вѣковѣчныхъ подобно вершинамъ
Въ утреннемъ блескѣ Авроры златой!
изавелла *(выступая съ сыновьями впередъ)*.

О приари съ высоты небесъ царица,
Прости свою надъ этимъ сердцемъ руку,
Дабы его не обуяла гордость.
Легко забыться матери счастливой,
Сіющей во славѣ сыповей!
Я въ первый разъ вполнѣ вкушаю счастье
Отъ той поры, когда родила васъ.
Я по сей день должна была насильно
Всѣмъ изліяньи сердца раздѣлять:
При видѣ сына одного ликуя,
Должна была другого забывать.
О, пераздѣльна матери любви,
А сыповей моихъ все было двое!
— Но смѣю ли безтрепетно предаться
Я упоенью сладкому души?

(Донъ-Мануилу).

Сжимая съ нѣжностію руку брата,
Вонзаю ли я жало въ грудь твою?

(Донъ-Цезарю).

Когда его я видомъ улаждаюсь
Не оскорбляю ли тебя, мой сынъ?
— О, даже за любовь свою дрожу я,
Чтобъ пламень вашей злобы не возжечь,—
(Взглянувъ на нихъ вопросительно).

Чего отъ васъ мнѣ ожидать? Скажите,
Какое чувство васъ сюда влечетъ?
Все тотъ же ли раздоръ непримиримый
Вновь вносите въ родительскій вы домъ?
Все та же ль ждетъ, тамъ, у преддверья замка,
Со скрежетомъ кусая удила,
Лишь на мгновенье скованная брань,
Чтобъ тотчасъ же, когда вы отверпетесь,
Неистово воспламениться вновь?

ХОРЪ (ВОЭМУНДЪ).

Война или миръ—еще жребій тапся
Во мракѣ глубокомъ грядущей судьбы!
Но все уже скоро должно разрѣшиться,
Къ тому и другому готовы рабы.

изавелла *(озираясь вокругъ)*.

И что за видъ воинственный, злобѣщій!
Зачѣмъ они здѣсь? Или смертный бой

Готовится въ чертогахъ сихъ? Къ чему
Толпа чужихъ, когда предъ сыновьями
Иалить свое желаетъ сердце мать?

Ужели даже и въ monkъ объятьяхъ
Страшитесь вы измѣны и коварства
И тылъ заботитесь свой оградить?

—О, эти шайки дикія людей,
Что служатъ вамъ орудьемъ вашей злобы,
Они не други вамъ! не вѣрны имъ,
Не довѣряйтесь лживымъ наущеньямъ!
Не могутъ вамъ они добра желать,
Вамъ, чужеземцамъ, роду пришлецовъ,
Что ихъ, нѣ собственнаго ихъ послѣдья
Изгнавъ, себѣ владычество присвоили.
Повѣрьте мнѣ, свободно любить каждый
Жить по закону собственныхъ желаній:
Чужое съ завистью господство терпѣть, —
Лишь страхомъ и могуществомъ себѣ вы
Невольную ихъ покорили службу.

Познайте родъ сей лживый и бездушный,
Злорадно онъ за вами вамъ величье
И счастье отомститъ! Владыкъ наденье,
Головъ вѣпчанныхъ гибель — содержанье
Ихъ пѣсень и рѣчей; отъ дѣдовъ къ впукамъ
Переходя, у нихъ живутъ онѣ,
И зимнія нѣчи сокращаютъ.
О, сыновья мои! враждебенъ мнѣ,
Лукавъ! Самъхъ себя лишь люди любятъ;
Недолговѣчны, ненадежны узы,
Превратное снѣтающія счастье;
Зависитъ все отъ прихоти судьбы, —
Безукоризненна одна природа!
Одна она, какъ якорь, неподвижна,
Все остальное увлекаетъ прочь
Волна клокочущаго моря жизни.
Товарища даетъ удача; друга
Даритъ расположенье сердца. Благо
Тому, кому судьбою посланъ братъ!
Того и счастье не дастъ. Ему
Дарованъ другъ, удвоенный которымъ,
Онъ цѣлый мнѣ неправды побѣдитъ.

хоръ (каетанъ).

Твой почитаемъ мы мудрый, высокій,
Истинно царскій, владычица, умъ;
Ясный твой вѣрь пропнцаетъ глубоко
Всю глубину человѣческихъ думъ.
Мы же несемъ безсмысленно, вѣчно,
Жизни влекомы струей быстротечной.

изавелла (Донъ-Цезарю).

Ты, что на брата мечъ свой поднималъ,
Лишь осмотрился въ этой всей толпѣ:
Его найдется ль образъ благородный?

(Донъ-Мануилу).

Изъ тѣхъ, кого друзьями ты зовешь,
Съ твоимъ кто смѣетъ ли сравниться братомъ?

Изъ нихъ вполне безукоризненъ каждый,
Ни въ чемъ одинъ другому не уступить
И не сравнится ни одинъ съ другимъ.
Дерзните вы въ лицо взглянуть другъ другу!

О, зависти и ревности безумье!
Его бы ты изъ тысячей другихъ
Себѣ въ друзья избралъ и одного
Его къ своей груди прижалъ, а нынѣ,
Когда тебѣ священная природа
Его еще послала въ колыбели,
Злодѣйствуя противъ своей ты крови,
Тотъ даръ погами топчешь своевольно:
Ты чужеземцу вѣрился, врагу,
И худшему преданъ человѣку!

донъ-мануилъ.

Послушай, мать!

донъ-цезарь.

Мать, выслушай меня!

изавелла.

Не разрѣшить словами этой распри:
Въ раздорѣ такъ корысть смѣшалась ваша,
Что мщенье отъ вины не отдѣлится!
Гдѣ старое пайти русло потока,
Излившагося пламенною сѣрой?
Огню подземному подобенъ споръ вашъ,
Который, словно лавы наслоенье,
Похоронилъ законы естества,
И каждый шагъ гласитъ о разрушенъи.
—Еще одно я выскажу вамъ, дѣти:
Я вѣрю: зло, что зрѣлый человѣкъ
Другому причиняетъ, не легко
Прощается и великій дорожитъ
Своею злобой. Никакое время
Разъ взятаго рѣшенья не намѣнитъ;
Но вашей распри первое начало
Восходитъ къ неразумнымъ годамъ дѣтства, —
Ужъ долговременность одна должна
Ее обезоружить. Что впервые
Разъединило васъ? Извѣстно ль вамъ?
—Не знаете! и если бъ даже знали,
Стыдились ребяческой борьбы.
И, несмотря на то, еще доселѣ,
Рожденная той дѣтской ссорой, длится
Несправедливость цѣлью злополучной.
Всѣ эти нечестивыя дѣла
Лишь подозрѣнія и мести чада;
И дѣтскую хотите неприязнь
Вы, будучи мужчинами, продолжать?

(Беретъ ихъ за руки).

О, сыновья мои! Рѣшится же
Злопамятство оставить обоюдно, —
Равно неправда съ каждой стороны:
Великодушны будьте, благородны
И даруйте прощенье другъ другу
Вы за чудовищную ту вину.

Изъ всѣхъ побѣдъ святѣйшая—прощенье!
Съ отцовскимъ прахомъ вы похорошите
Глубоко дѣтской распри отомщенье
И въ новой жизни вы найдете вновь
Согласье и прекрасную любовь.
*(Отступаетъ отъ нихъ на шагъ, какъ бы же-
лая дать имъ приблизиться другъ къ другу.
Оба смотрятъ въ землю, не глядя другъ на
друга).*

хоръ (клетанъ).

Слушайте матери рѣчь увѣщанья,
Мудрое слово сказала она!
Кончите, бросьте пражды состязанье;
Если же пѣтъ—да продлится война!
Ваше желанье—вѣдѣнье судьбы,
Вы повелители, мы же—рабы.
павелла *(немного повременивъ, и тщетно
ожидала какого-нибудь движенія со стороны
братевъ, съ подавленною грустью).*

Не знаю больше ничего. Слова
Всѣ истощивъ, мольбы я исчерпала;
Покоится въ могилѣ тотъ, кто васъ
Насильственно обуздывалъ помыслы;
Безпомощно стоять предъ вами мать,—
Такъ довершите жъ! Ваша власть и воля!
Внемлите демону, который васъ
Влечетъ въ ожесточеніи безумномъ,
Скверните жертвенникъ святой Пенатовъ,
И сей чертогъ, родившій васъ обоихъ,
Междоусобицы да будетъ полемъ!
Въ моихъ глазахъ другъ друга истребите
Своими, не чужими, вы руками;
Грудь съ грудью вы, какъ оивскіе борцы,
Непестово кидаясь другъ на друга,
Желѣзными объятьями схватитесь
И, вырвавъ другъ у друга жизнь пожомъ,
Противника пусть каждый побѣдитъ;
Пусть смерть сама вашъ споръ не разрѣшитъ,
И самый пламень, огненнымъ столбомъ
Раздвояжаясь на двѣ половины,
Отъ вашего костра да возлетитъ,
Подобьемъ вашей жизни и кончины!
*(Уходитъ. Братья продолжаютъ стоять въ
прежнемъ отдаленіи).*

оба брата. оба хора.

хоръ (клетанъ).

Слово простое она лишь сказала,
Но бодрый духъ въ зачерствѣлой груди
Имъ поколебленъ и сердце упало!
Въ родственной я неповиновенъ крови,
Къ небу вздѣваю я руки свои;
Братья, въ грядущее вдумайтесь вы!
донъ-цезарь *(не глядя на Донъ-Мануила).*
Ты старшій братъ, тебѣ рѣчь уступаю,
Предъ первенцомъ смирюсь я безъ стыда.

донъ-мануилъ *(въ томъ же положеніи).*

Лишь слово доброе скажи, охотно
Я младшаго послѣдую примѣру.

донъ-цезарь.

Не потому, что я тебя виновнѣй,
Или себя слабѣйшимъ сознаю.

донъ-мануилъ.

Нѣтъ, въ малодушіи не обвинить
Донъ-Цезаря, кто его знаетъ; будь
Онъ слабъ, была бы рѣчь его надменнѣй.

донъ-цезарь.

Ужели ты не ниже цѣпишь брата?

донъ-мануилъ

Ты слишкомъ гордъ, чтобъ унижаться; я,—
Чтобъ лгать.

донъ-цезарь.

Презрѣнія я не терплю;
Но въ бурномъ озлобленіи борьбы
Достоинъ брата своего ты чтить.

донъ-мануилъ.

Ты не желалъ гибели моей,
Есть доказательства: одинъ монахъ
Меня убить коварно вызывался,—
Ты показалъ измѣнника.

донъ-цезарь *(подходя ближе).*

О если бъ

Твою я рапъ вѣдалъ справедливость,
То многое тогда бы не свершилось.

донъ-мануилъ

И вѣдай я твой духъ мпролюбивый,
Не причинилъ бы столько огорченій
Я сердцу матери.

донъ-цезарь.

Мнѣ описали

Тебя надменнымъ и высокоумнымъ.

донъ-мануилъ.

Слухъ высшаго всегда во власти нисшихъ,—
Таковъ удѣлъ нашъ.

донъ-цезарь *(съ живостью).*

Такъ. Рабы виновны.

донъ-мануилъ.

Они сердца въ насъ злобно разлучили.

донъ-цезарь.

И пересказывали ялыя рѣчи.

донъ-мануилъ.

Они дѣлыя наши отравляли,
Имъ предавая ложное значенье.

донъ-цезарь.

Лишь растравляли раны,—не цѣлили.

донъ-мануилъ.

Лишь раздували пламя,—не гасили.

донъ-цезарь.

Обольщены, обмануты мы ими!

донъ-мануилъ.

Орудія слѣпыя ихъ страстей.

донъ-цезарь.

Не правда ли, всё тѣ, что чужды намъ,—
Невѣрны.

донъ-мануилъ.

И лукавы! Матерь такъ
Намъ говорила,—ей ты вѣрить можешь!

донъ-цезарь.

Дай братскую твою пожать мнѣ руку.

(протягиваетъ ему руку.)

донъ-мануилъ *(съ живостью ее схватывая)*.
Она всего дороже мнѣ на свѣтѣ!
*(Оба, молча, стоятъ, взявшись за руки, и то-
которое время смотрятъ другъ на друга)*.

донъ-цезарь.

Гляжу и, пораженный, удивленный,
Я дорогія матери черты
Въ тебѣ встрѣчаю!

донъ-мануилъ.

Нахожу въ тебѣ
Я сходство нѣкое, что такъ чудесно
Меня волнуетъ.

донъ-цезарь.

Ты ль меньшому брату
Такъ ласково и нѣжно говоришь?

донъ-мануилъ.

Сей юноша привѣтливый и кроткій
Ужель тотъ злобный, ненавидный братъ?
(Молчаніе; оба нѣжно смотрятъ другъ на друга).

донъ-цезарь.

Коней арабской крови изъ послѣдства
Отца ты взялъ. Я рыцарямъ твоимъ,
Тобою посланнымъ въ нихъ отказалъ.

донъ-мануилъ.

Ты ими дорожишь,—они твои.

донъ-цезарь.

Возьми коней, возьми и колесницу
Отцовскую, прошу тебя возьми!

донъ-мануилъ.

Я согласусь, но если поселишься
На берегу морскомъ ты во дворцѣ,
Изъ-за котораго мы воевали.

донъ-цезарь.

Согласенъ я, но лишь подъ тѣмъ условьемъ,
Чтобъ вмѣстѣ мы въ немъ братски обитали.

донъ-мануилъ.

Да будетъ такъ! Зачѣмъ владѣть намъ порознь,
Когда сердца въ насъ заодно?

донъ-цезарь.

Зачѣмъ

Отнынѣ жить раздѣльно, коль въ единствѣ
Изъ насъ становится богаче каждый?

донъ-мануилъ.

Мы неразлучны, нераздѣльны мы!

(Стихитъ въ его объятія).

первый хоръ *(второму)*. *(каетанъ)*.

Что же стоимъ мы подобно врагамъ?

Братски князья обнимаютъ другъ друга,
Минуло время раздора недуга,
Миръ заключить подобаетъ и намъ!
Единой утробой они рождены,
Мы граждане, дѣти единой страны!

(Оба хора обнимаются).

Вѣстникъ входитъ.

второй хоръ. *(воемундъ)* *(Донъ-Цезарю)*.

Тобою посланный вернулся сыщикъ,
О государь! Возрадуйся Донъ-Цезарь!
Тебя благія вѣсти ожидаютъ,
Веселіемъ лицо его сіяетъ.

вѣстникъ.

О радость мнѣ! Всему о радость граду,
Свободному отъ долгаго проклятія!
Какое зрѣлище мой взоръ плѣняетъ:
Сыновъ владыки моего, князей,
Конихъ въ пылу сраженія я покинулъ,
Рука въ рукъ въ бесѣдѣ мирной вижу!

донъ-цезарь.

Вгляни, любовь изъ пламени раздора,
Какъ возрожденный фениксъ возстаетъ!

вѣстникъ.

И счастье мое сугубо; жезлъ мой
Ростками свѣжими зазеленѣлъ!

донъ-цезарь *(отводя его въ сторону)*.

Какія вѣсти ты песешь,—повѣдай!

вѣстникъ.

Сей день все радостное соединяетъ:
И та, которую искали мы
Нашлася, государь, и не далеко.

донъ-цезарь.

Она нашлася! О, гдѣ она? скажи?

вѣстникъ.

Въ Мессинѣ, здѣсь, скрывается она.

донъ-мануилъ *(первому полухору)*

Какъ очи брата заблестали! яркимъ
Румянцемъ заалѣлся ланиты,
То краска радости, о чемъ—не знаю,
Но раздѣляю радостно ее.

донъ-цезарь *(въстипику)*.

Веди меня!—прости Донъ-Мануилъ!
Въ объятіяхъ матери съ тобою свижусь;
Теперь же дѣло снѣжное отсюда
Меня зоветъ.

(Хочетъ идти).

донъ-мануилъ.

Не отлагай его,

И счастье да сопутствуетъ тебѣ!

донъ-цезарь *(одумавшись, возвращается)*.

Донъ-Мануилъ, сказать я не умѣю,
Какъ видъ твой радуетъ меня,—о, да!
Ужъ я предчувствую, какъ мы сердечно
И дружески любить другъ друга будемъ!
Влеченье скованное развернется